

Анатолий Беляев

Территория геологии

БРУНГИЛЬДА

В глухой дальневосточной тайге геологическая партия вела разведку месторождения урана. На поляне у берега порожистой реки в два ряда стояли прокопченные брезентовые палатки, оборудованные для зимовки – изнутри подбитые войлоком, с печками и деревянным полом. В тайге в три смены работала буровая установка, мощные бульдозеры проходили широкие разведочные каналы, а два десятка рабочих копали глубокие шурфы.

Начальник партии торопил всех, чтобы успеть выполнить квартальный план. Известно, что не всякое рудопроявление становится месторождением. А вот если ты не выполнил план, то начальство тебе резонно скажет: «Вы не нашли месторождение, потому что не выполнили объем работ по бурению!»

И тут повар не выдержал непрерывной трехмесячной работы, и измученный отсутствием алкоголя пешком через сопки ушел в поселок. Там он запил, а затем

подался в город. Рабочие и геологи уже две недели ожидали приезда новой поварихи.

Всем до смерти надоела стряпня одного из канавщиков, переведенного в повара за какую-то провинность. Готовить он не умел, и мстил начальству, изготавливая из нормальных продуктов совершенно несъедобные блюда.

Однажды прораб не выдержал и громко на всю столовую палатку произнес:

– Сегодня обед исключительный!

– Что, понравилось? – удивился повар.

– Даже меня чуть не вырвало! – закончил прораб и вышел из палатки.

Радист уверял, что новая повариха знойная красавица и несколько лет работала в одном из ресторанов Хабаровска. В партии не было женщин, и мужики пришли в естественное возбуждение. Контингент рабочих подобрался отчаянный, многие имели по несколько ходок за кражу, драки и поножовщину.

Накануне приезда поварихи работяги побрились, а вечно грязные канавщики даже переоделись. Каждый в тайне надеялся, что повариха станет его любовницей и скрасит тяжелый экспедиционный быт.

Больше всех суетился буровой мастер Семен по прозвищу Шплинт – мужичок небольшого роста с жиденькой рыжеватой бородкой. Он артистично повязывал голову красным платком на пиратский манер и как саблю носил на боку охотничий нож.

Семен и раньше веселил мужиков рассказами о своих любовных похождениях. Он подробно расписывал свои городские наряды, и утверждал, что у него дома

семь костюмов, пять шляп и более сорока галстуков. По словам Семена женщины просто сходили с ума от любви к нему. Среди них были циркачки и балерины, стюардессы и продавщицы, и даже женщина прокурор.

Чтобы заранее отпугнуть потенциальных соперников Семен публично заявил, что новая повариха его давняя любовница, и, конечно же, согласилась работать в тайге ради близости с ним.

– Предупреждаю, кто решится к ней приставать, будет иметь дело со мной, – Семен воткнул большой охотничий нож в доску кухонного стола, – и не вздумайте при ней называть меня Шплинт, гениталии отрежу!

Прожженных мужиков грозный вид Семена вовсе не испугал, а даже развеселил. Нож бурмастера имел не менее тридцати сантиметров в длину, но уступал в размерах тесакам геологов и рабочих. Их выковывал из листов автомобильных рессор поселковый кузнец, придавая им форму ятагана с заточкой на вогнутой стороне клинка. С такими большими тесаками было удобно прорубаться среди лиан и подлеска дальневосточной тайги. Бородатые геологи с огромными ножами на боку напоминали банду средневековых пиратов.

– Ты смотри, не сломай свой ножичек, когда будешь им в зубах ковыряться, – рабочий Гаврила с треском воткнул рядом свой нож полуметровой длины. Его острие насквозь пробило дюймовую кедровую столешницу.

Мужики дружно заржали.

Когда на перевале сопки взревел на подъеме артиллерийский гусеничный тягач, мужики собрались на во-

лейбольной площадке в центре лагеря. Вездеход показался на гребне, спустился с горки, и, перескочив мелкий брод ниже переката, встал как вкопанный у столовой палатки. Из под брезента показалась высокая и полная молодая женщина, как говорят в народе «в теле». В первую минуту она не на шутку испугалась толпы пиратов, жадно ощупывающих глазами ее тело. Впереди стоял Семен с красным платком на голове и с ножом-саблей на боку.

– Какая фемина!?! – воскликнул один из работяг, используя все богатство русского разговорного языка, и вкладывая в эту фразу одновременно восклицание, вопрос, восхищение и сожаление, что эта женщина принадлежит не ему.

– А какая под ней нога!?! – поддержал его товарищ в той же интонации.

– О, Брунгильда! – воскликнул Семен, и первый бросился к вездеходу.

Он протянул руки, всем своим видом показывая, что готов нести повариху до столовой палатки. Мужики не верили похотливым рассказам Семена, но все-таки думали, что он хотя бы знаком с поварихой.

Своим враньем буровой мастер выкопал себе яму. Повариха уже поборола страх, взглянула на него сверху и презрительно бросила:

– Отскочи Мелкий, а то раздавлю!

Всем сразу стало ясно, что повариха видит Семена первый раз, и в этой жизни умеет за себя постоять. Мужики дружно захохотали.

Повариха легко спрыгнула с вездехода и поздоровалась с начальником партии. Все, наконец, услышали, что звать ее Варвара.

С первого дня рабочие, вслед за Семеном, стали между собой называть повариху Брунгильда – вероятно именно такой по комплекции и стати представлялась им одна из главных героинь древнегерманского героического эпоса.

На работу в таежную партию Варвара устроилась, для того чтобы вдали от соблазнов цивилизации основательно похудеть. Поселили ее в большой шатровой палатке, во время обеда и завтрака служившей геологам столовой.

– Вы когда-нибудь ходили в театр или кино? – спросила Варвара рабочих во время первого ужина. – Слышали, чтобы там кто-нибудь матерился?

– У нас на зоне в клубе, когда кино показывали, всегда мат – перемат стоял, – вспомнил один из работяг.

– Так вот, здесь не зона. Обещаю того, кто будет ругаться в столовой, кормить не буду, а если все станете ругаться, вообще уеду, – предупредила она мужиков.

Рабочие собрались и во время обеда выдерживали режим тишины.

Зато для рабочих и геологов наступила благодать. Готовила Варвара профессионально и разнообразила завтраки и обеды дополнительными блюдами – салатами, закусками, компотами и бутербродами на жареном черном хлебе. При этом повариха добровольно стала печь хлеб, да такой вкусный, что даже в Ленинграде такого не пробовали.

Все попытки ухаживания повариха сразу пресекала. Особенно она недолго любила Семена, который всем своим видом показывал, что готов вступить с ней в интимную связь на любых условиях. Она подозревала, что буровой мастер крутится около столовой палатки, для того чтобы подглядывать за ней в многочисленные дырочки, прожженные в брезенте искрами от печки, в надежде застать момент переодевания.

Варвара пела в городском хоре. Из-за неразделенной любви к хормейстеру она бросила посещать репетиции и даже отказалась от выгодного турне по сибирским городам и селам. И уехала в экспедицию залечивать свои душевные раны.

Повариха все время находилась в состоянии какого-то переживания. Ни с кем не общалась и после обедов и ужинов сразу застегивала палатку изнутри и никого к себе не пускала.

Из застекленного окошка столовой палатки просматривалась вершина сопки с лысой вершиной и куполом «Чертов палец» из розового гранит-порфира. Подперев рукой пухлую щеку с обширным кустодиевским румянцем, Варвара часами любовалась сопкой – на природе этого не позволяли делать комары и пауты. Погода менялась быстро и над сопкой то проносились клочья белоснежных облаков, то распахивалась бездонная синева чистого неба, то вдруг фиолетово-синяя грозовая туча накрывала вершину и ломанные зигзаги молний с ужасным грохотом врезались в скалы.

Похуденье не приходило и Варвара, по природе чувствительная женщина, сильно расстраивалась. Иногда из палатки слышались душераздирающие сти-

хи, которые повариха читала вслух, подражая Белле Ахмадулиной.

Варвара обладала низким контральто глубокого бархатистого тембра. Вечерами после ужина она любила в одиночестве исполнять «песни любви». Особенной ей удавались романсы. Первое время мужики стремились проникнуть в столовую в надежде послушать ее песни. Но стеснительная Варвара отказывалась петь при народе. Так что со временем ей перестали надоедать, и она свободно и громко пела. Лагерь затихал и над палатками, вдоль таежной реки тревожным вибрирующим звуком лилась задушевная песня. Геологи так привыкли к вокальным концертам, что ждали их каждый вечер.

Кухонная палатка стояла у поворота тропинки и проходящие мимо столовой рабочие, иногда задевали ногами веревку одной из угловых растяжек, привязанную к корневищу дерева. При этом брезент на углу палатки с мощным треском рвался. Игнорировать рваный угол повариха никак не могла, так как в палатку сразу набиралась мошка и комары. Первые дни Варвара терпеливо зашивала разорванный брезент суровыми нитками, но потом это стало ее раздражать, и, в конце концов, она впадала в ярость, заслышав звук разрываемых ниток.

Теперь виноватые в разрыве палатки не извинялись как прежде, а стремительно убегали, чтобы не попасть под горячую руку разъяренной поварихи. И вот, однажды, растяжку случайно задел какой-то рабочий, порвал только что зашитый брезент, развернулся и убежал. В этот момент к месту происшествия подошел ни-

чего не подозревающий Семен. После смены он был в отличном расположении духа и нарочито громко и страстно, как серенаду возлюбленной, напевал арию Герцога Роберта из "Иоланты":

«Кто может сравниться с Брунгильдой моей,
Сверкающей искрами ясных очей».

Варвара выскочила из палатки как настоящая валькирия, и очи ее действительно сверкали. Она схватила невинного Сеню за грудки и подняла над землей.

– За что? – заорал Сеня, болтая в воздухе ногами. – Люди, помогите, жизни лишают!

И вот, пришла беда – под сосок левой груди Варвары впился клещ. От страха повариха впала в истерику. Она рыдала, и всех выгоняла из столовой палатки.

– Варвара, прекрати выть и расскажи, что случилось, – потребовал начальник партии.

Повариха рассказала ему про клеща.

– Это ерунда, – махнул рукой начальник, – за сезон десятков клещей в меня впивается, и ничего.

– Но у меня нет прививки против энцефалита, – рыдала Варвара.

– Ничего с тобой не случится, – успокоил ее начальник, – а клеща тебе сейчас вытащит бурмастер Семен, он у нас большой специалист.

В этот момент Семен подглядывал в дырочку и, услышав свое имя, чуть не ввалился в столовую, порвав брезент.

– Я этого хорька близко к себе не подпущу, – возмутилась Варвара.

– Ну, тогда, наш геофизик Сан Саныч, ветеран войны, уважаемый человек, фельдшером на фронте был.

Преодолев женскую стеснительность, Варвара обнажила огромную грудь, из которой геофизик при помощи ниточной петли-удавки извлек насосавшегося крови клеща.

Конечно, вздыхатель Семен в этот момент подглядывал в дырочку.

Так и осталось загадкой, где повариха смогла подцепить клеща. Однако к ночи у Варвары вдруг подскочила температура до тридцати девяти градусов. Геологи дружно убеждали ее, что инкубационный период болезни при заболевании энцефалитом не менее двух недель – только за это время вирус умножается, и в крови появляются специфические антитела. Но все признаки менингита были у поварихи в наличии – немного заплетался язык, ослабли руки, и провисла носогубная складка, заметно перекосив полное лицо.

В предчувствии неминуемой смерти Варвара рыдала, сотрясая тайгу низким трубным голосом, и умоляла геологов похоронить ее на вершине любимой сопки. Геологи тоже расстраивались, так как отлично понимали, что физически не смогут выполнить последнюю волю поварихи и затащить на скалистую вершину такую тушу.

Наконец Сан Саныч предположил, что возможно пару недель назад в повариху впился настоящий энцефалитный клещ, которого она не заметила и сорвала, а признаки заболевания проявились лишь сегодня. По рации вызвали спецрейс вертолета МИ-4. Повариху положили на брезентовые носилки и шестером затащили в вертолет. Она прощалась с геологами со слезами на глазах.

Но все обошлось, повариха заболела обычной ангиной, правда в тяжелой форме. Все страдали без ее обедов, но подозревали, что в тайгу она больше не вернется. Один Семен не терял надежды и каждую неделю отправлял с вездеходом в больницу страстные письма.

Вскоре появился новый повар – молодой и розовощекий парень по имени Георгий родом из глухой алтайской деревни. Готовить он не умел, и что греха таить, просто не хотел. Его пригласили работать помощником бурильщика, наобещав золотые горы, но обманули и сделали поваром, где и платили раза в три меньше. Он все время грозился, что со следующим вездеходом уедет из партии в город. И вот когда отвратительные обеды уже достали рабочих и геологов, а сам повар окончательно собрался уезжать, в партию неожиданно для всех вернулась Варвара.

Вездеход преодолел реку по мелкому перекату и лихо как танк развернулся у волейбольной площадки, на которой стопились свободные от смены работяги.

Брезентовый полог кузова откинулся и взорам мужиков предстала Брунгильда, одетая в ярко-красное платье, облегающее фигуру. Она заметно похудела и явно похорошела. К вездеходу ринулся Семен, наивно полагая, что его письма растопили душу Варвары, и она готова вступить с ним в интимную связь. Но, не зря говорят, что судьбы сводятся на небесах.

В геологии многие динамические процессы очень медленны и протекают иногда миллионы лет, а некоторые, такие как землетрясения или извержения вулканов, происходят быстро и бурно. Так и любовь в геологии часто вспыхивает мгновенно как разряд молнии.

Варвара окинула взглядом мужиков, собравшихся у вездехода, и сразу заметила великана Георгия, собранного к отъезду с рюкзаком за плечами. Очевидцы встречи утверждали, что в этот момент в пространстве действительно блеснула молния. Повариха царственным жестом протянула руку, прося помощи. Возможно, именно таким жестом легендарная Брунгильда призвала рыцарей к смертельному поединку.

Семен подпрыгнул в попытке взять повариху за руку, но она не далась и подняла ее выше, показывая тем самым, что это приглашение не для него. Неожиданно для всех, застенчивый Георгий, вдруг сбросил на землю рюкзак, легко подскочил к вездеходу, и, отстранив, Семена взял белую руку своей будущей подруги. Она грациозно спрыгнула на землю, и они неспешно как молодожены на свадьбе прошли в столовую палатку. И тут, вдруг все заметили, что у обоих голубые глаза.

Конечно, Георгий остался работать помощником бурового мастера. На зависть всем у него завязался с поварихой платонический роман. Когда буровая смена вваливалась в столовую палатку на обед Варвара, завидев Георгия, сразу краснела. Георгий отвечал ей тем же и имел вид робкого влюбленного мужчины.

Но с работой Георгию не везло. Буровой мастер смены – любвеобильный Семен не мог простить молодому парню роман с поварихой и всячески к нему придирался. Вторым помощником бурильщика оказался злобный и жестокий приклатненный мужик по прозвищу Крюк. Он только что освободился и сразу устроился в партию рабочим. На зоне он провел десять лет и по слухам ходил в шестерках. А мечтал о привилеги-

ях вора в законе. Некоторые рабочие тоже отбывали в лагерях сроки, но все принадлежали касте «мужиков» – заключенных, ни на какую власть в зоне не претендующих, никому не прислуживающих, с администрацией не сотрудничающих и вообще в дела блатных не сующихся. Поэтому Крюк решил хотя бы здесь подавить мужиков своей жестокостью. Конечно, никого он сильно не резал, но подкалывал заточкой непокорных, и геологи стали это замечать. Мужики вкалывали в полную силу. Канавщики выдавали по две, три нормы. Все хотели честно заработать большие деньги. А Крюк работать не привык и только мутил воду. Он рассчитывал захватить в партии власть, так, что «мужики» будут на него вкалывать, а он будет чиферить и ловить кайф.

Начальник партии вызвал его к себе и сделал строгое предупреждение, но Крюк вел себя нагло и вызывающе. С ним надо было что-то решать.

Прошли крепкие утренние заморозки и побили гнус. Наконец-то стало возможно ходить без накомарника, не намазываясь диметилфталатом. Тайга окрасилась нежными пастельными цветами золотой осени. Пожелтела хвоя лиственниц, багрянцем вспыхнули осины, рябины украсились рубиновыми гроздьями ягод. Даже воздух стал каким-то сизым с густым ароматом увядающих трав, листвы и хвои.

Роман поварихи с Григорием развивался неспешно. Вечерами они сидели на лавочке у столовой палатки смотрели на реку и молчали.

И тут Крюк задумал сделать такое, чтобы все сразу это увидели и оценили. Он подошел к влюбленным, сел сбоку на скамейку и скомандовал Григорию:

– А ну, брысь!

Не понятно на что Крюк рассчитывал, но Григорий ни секунды не раздумывая, закатил ему такую оплеуху, что блатной не просто опрокинулся навзничь, а сделал в воздухе почти полный оборот вокруг центра тяжести своего тела.

Крюк вскочил на ноги, выхватил из сапога финку и, профессионально перекидывая нож из руки в руку, двинулся на Григория. И тут он получил такую затрепину от Варвары, что врезался головой в палатку и порвал брезент. Вокруг собрались мужики. Крюк пришел в бешенство и, размахивая финкой, стал наступать на Григория. Тот схватил бревно и, без сомнения, с одного удара убил бы нападавшего. К месту схватки вовремя подоспел начальник партии и выстрелил из нагана в воздух поверх головы Крюка, так что он оглох и от страха присел с поднятыми руками.

– Брось нож, – скомандовал начальник, иначе при свидетелях вторая пуля твоя.

Крюк положил финку на скамейку.

– Пошли, – приказал начальник, убирая нож в карман, и зашагал в камеральную палатку.

Крюк поплелся за ним.

Начальник партии знал, что Крюк уже достал мужиков своими «наездами» с целью запугать и вызвать сопротивление, за которое можно будет пырнуть ножом. От своих информаторов ему стало известно, что этой ночью мужики собрались устроить Крюку жестокое избиение – «правилово» и могли «наломать фанеру» – разбить ему грудную клетку. Начальник в молодости сам два года топтал зону в мужиках, и тюремные пра-

вила знал не понаслышке. В конце квартала проблем не хотелось.

– Чтобы сегодня ноги твоей в лагере не было, расчет получишь через полчаса. А если подянку какую выкинешь, то можешь из тайги живым не выйти. Мало ли тут заброшенных шурфов и канав, завалишься где-нибудь, а мы искать тебя не обязаны.

– Ну, смотри, начальник, встретимся на узкой дорожке! – пригрозил Крюк.

– Ты, смотри, по дороге от злобы не захлебнись, – рассердился начальник, – будь уверен, рука не дрогнет тебя пристрелить. Все, пошел вон.

Рабочий собрал вещи и навсегда ушел по следу вездехода. Георгий и Варвара остались в партии.

Через несколько лет Георгий стал известным буровым мастером. Пятерых голубоглазых сыновей – богатырей родила ему Варвара.